
ИРИНА МЕДВЕДЕВА, ТАТЬЯНА ШИШОВА

“Я НЕ ПРОСИЛ МЕНЯ РОЖАТЬ...”

Когда родители слышат от ребенка фразу, вынесенную в название, они цепенеют. А ребенок, чувствуя себя победителем, продолжает натиск и нередко добивается своего. Родители же еще долго пребывают в растерянности, терзаясь вопросом: что на это сказать? С одной стороны, логически все так: и правда, не просил... (Хотя как он мог попросить, если его еще не было?) А с другой стороны, самые разные люди, не сговариваясь, ощущают одно и то же – что их ребенок проявил какую-то страшную, черную неблагодарность.

И это очень больно ранит и одновременно ставит в тупик. Ведь опять же, рассуждая логически, благодарить часто бывает особенно не за что. От кого-то мать отказалась прямо в роддоме. Кто-то живет с папой-алкоголиком, а у кого-то даже такого папы нет. Кто-то побирается по электричкам, кого-то тяжелая болезнь с младенчества приковала к постели.

Но и в случае вполне благополучной, даже счастливой детской судьбы детство быстро проходит, и рано или поздно человека все равно настигают болезни, утраты, горести. А в конце – смерть.

“Ну, и за что тут благодарить?” – сокрушенно вздыхая, думают родители.

Тем более что почва для сокрушения густо унавожена сегодняшним идеологическим компостом. Ведь в вопросе деторождения постепенно произошел очень серьезный сдвиг.

ОТ БОЖЬЕГО ДАРА К ПРЕДМЕТУ РОСКОШИ

Когда люди верили в Бога, супруги вообще особо не размышляли, желанен ребенок или нежеланен, уместен или неуместен. Ребенок – дар Божий, о чем тут рассуждать? Не хочешь иметь детей – не женись. Или, если женился, но детей по каким-то причинам иметь не можешь, воздерживайся от интимной близости.

Потом, по мере охлаждения веры, ребенок все больше и больше становился вопросом личного выбора. Чему, конечно же, способствовали все новые и новые медицинские изыскания в области предупреждения беременности. Однако выбор семьи почти всегда склонялся в положительную сторону: в принципе, детей иметь хотели. Другое дело, что количество желаемых потомков неуклонно уменьшалось. В последние десятилетия XX века общепринятым суждением было примерно такое: “Ну, один ребенок, это, конечно, маловато, эгоистом вырастет. А два в самый раз! Куда больше-то?” Причем это “больше”, как правило, не подразумевало материальной составляющей (“мы не можем себе позволить”). Наоборот, многодетность давала надежду на улучшение плохих квартирных условий. Голодная смерть в эти годы детям, даже если их было больше двух, тоже не угрожала. Образование и здравоохранение было бесплатным. Значит, и это не вводило в дополнительный расход. Под “куда

больше?” имелось в виду, что осуществление неких романтических идей вовсе не требует количества: ребенок как повторение любимого человека, как возможность обрести родственную душу или как надежда на воплощение своих несбывшихся профессиональных мечтаний. Были, конечно, и еще какие-то мотивы. В том числе и мотивы продолжения рода: “Пусть частичка меня живет в моем сыне!” Но всё, в общем-то, было из области идеального.

Сегодня же... нет, нельзя сказать, что дети никому не нужны. Но потребность эта все чаще перемещается в сферу материального. Ребенок начинает восприниматься чуть ли не как составная часть потребительской корзины человека с высоким качеством жизни. Сначала нужно обзавестись жильем, приличной обстановкой, включающей в себя, помимо мебели, массу бытовых и развлекательных приборов, существование без которых, по современным стандартам, кажется неполноценным, а то и невозможным. (Как жить без телевизора? Откуда мы тогда узнаем новости? А без компьютера? А без стиральной машины?..) Естественно, молодой семье нужен автотранспорт. Потом еще какое-то время пожить “для себя”. И лишь потом можно начать думать о ребенке. Хватит ли средств для достойного воспитания и обучения будущего наследника, для его цивилизованного отдыха и культурных развлечений, которые тоже нынче недешевы? Не говоря уж о полноценном, сбалансированном питании, красивой, модной одежде и ярких игрушках. Нельзя же допустить, чтобы он чувствовал себя ущербным, изгоем, хуже всех! Это ведь чудовищная травма! Если принять такой взгляд на жизнь, очень быстро окажется, что ребенок не просто предмет потребительской корзины, а *предмет роскоши*. И позволить его себе может далеко не каждый. Чем ответственной потенциальный родитель, тем меньше он ощущает право на родительство реальное. Мало ли что может произойти при такой хронической нестабильности? Инфляция вплоть до полного обрушения доллара, межэтнические конфликты, терроризм, угроза безработицы, потеря накоплений и здоровья, смерть или уход кормильца из семьи.

Но интересно, что преподносится все это под соусом самоотвержения, заботы не о себе, а о нем, будущем маленьком человеке. Даже термин специальный изобрели – “ответственное родительство”. В общем, если трезво посмотреть на вещи, большинству детей для их же блага лучше не появляться на свет. Что, собственно, и происходит, ведь, по официальной статистике, две трети беременностей уже много лет подряд заканчиваются абортom, то есть детоубийством. А сколько детей “предотвращают”, и это, в отличие от аборта, который у многих все-таки вызывает сожаления и муки совести, совсем не воспринимается как утрата. И потому что ребенка в реальности еще нет, и потому что он роскошь. А роскоши, конечно, хотелось бы, но без нее можно и обойтись. Скромнее надо жить. Что делать? Не всем же быть миллионерами.

ОТ БЛАГОСЛОВЕНИЯ К ПРОКЛЯТИЮ

Следующий этап – отвержение детей в принципе – в нашей, отстающей от мировой цивилизации стране пока не наступил. Хотя кое-какие сигналы из недалекого будущего до нас доходят. Несколько лет назад при поддержке компании “Юкос” начал выходить и бесплатно распространяться в молодежной среде глянцево-журнал “Факел”. Журнал не просто для новой молодежи, а, если можно так выразиться, для “новых лучших”, которые с высокомерной иронией взирают на простецкую молодежь. Во всех публикуемых материалах видны потуги создать что-то вроде высокой моды на сверхсовременный стиль жизни. Это кредо выражено уже в названии на обложке. Три первые буквы по-английски означают грязное ругательство, но это юмор для посвященных. Всем же остальным, в случае чего, можно попенять на испорченное воображение.

Под статью и содержание журнала. Такую грязь, как метко выразился когда-то К. И. Чуковский, “без калаша читать нельзя”. Но зато всё с претензией на оригинальность. Это, кстати, часто бывает у маргинальных меньшинств.

Ну, так вот. В № 6–7 за 2003 г. помещена, можно сказать, программная статья на тему детей (А. Вяземская. “Я никогда не буду одна”). “Дети? – неизбежное зло”, – говорит одна моя подруга. “Я с ужасом поняла, что больше

никогда не буду одна”, – написала мне, родив, другая. Третья, падая и плача от недосыпа, шепчет в трубку онемелыми губами: “Эта сволочь не спит”... Или другой перл из той же статьи: “Вот он, твой малыш. Такой милый, хороший, ходит под себя, беспрестанно орет, пускает слюни и пучит глаза”.

Читаешь и поражаешься: надо же, такие заявки на оригинальность и одновременно такой беззастенчивый плагиат! В журналах родоначальницы “планирования семьи” Маргарет Зангер еще в 20–30-е годы прошлого столетия ребенок изображался “орущим куском мяса”!

И подобные пассажи не новы: “Хочешь нести ответственность за наличие корки засохших соплей у него под носом и регулярность его физиологических отправлений? Может быть, хочешь запаривать по вечерам чернослив и впихивать ему в рот под дикий визг, а он в ответ будет плевать в тебя коричневой гадостью?”

Вот-вот! Странники Зангер, описывая младенцев, тоже старались вызвать к ним отвращение и брезгливость.

Другое дело, что в нашей стране до сих пор так публично не изъяснялись. Равно как не было принято признаваться на страницах печати в желании умертвить своего ребенка. В этом смысле, Вяземская – новатор. “Родив дочь, – пишет она, – я долгое время думала, что я моральный урод”. “Знаешь, я, когда ее купаю, – говорила я своему тогдашнему другу, – мне иногда страшно”. “Ты думаешь, что стоит вот так опустить в воду, немножко подержать, и все это кончится?” – спрашивал он в ответ.

Какое, однако, взаимопонимание бывает у любящих сердец! Правда, отзывчивость “тогдашнего друга” объяснялась еще и сходством ситуации: “Наши дети были ровесниками – им было месяца по три”. “Но даже подобные пугающие прорывы не могли отвлечь нас от процесса, номинально вроде бы напрямую связанного с деторождением, – сообщает нам журналистка с бесстыдством примата. – Немного развеявшись, мы возвращались к супругам и колыбелям, ванночкам, клизмам, клеенкам, коляскам”.

И ладно бы это были просто автобиографические заметки “морального уroda”! (Хотя все равно им место не на страницах журнала, а в истории болезни.) Так эти помои еще и преподносятся как совершенно нормальные *общечеловеческие* переживания! Только плебс их пока скрывает, а элита ведет себя более естественно, более натурально.

“Знаете, почему Триер не получил Канн за свой гениальный “Догвилль”? – вопрошает Вяземская и спешит ответить: – Мне кажется, лишь потому, что в финале там выстрелом в упор убивают грудного ребенка. И зал радуется, не успев спрятать своих настоящих эмоций”.

Радость, когда в упор убивают младенца, – вот она, эталонная реакция “новых лучших”. Ну а те, кто еще не дорос до таких высот, могут, конечно, заниматься идиотизмом: рожать, нянчиться, воспитывать. Но только пусть от детей ничего не требуют: “Забудь... о какой-либо благодарности. Это был твой личный выбор, значит, и ответственность только твоя. Наши дети нам ничего не должны... *Они нас их рожать не просили*” (курсив наш. – Авт.).

Так выстраивается новая идеология, новое мировоззрение, в котором дети – уже не благословение, а проклятие. И тот, кто его на себя навлек по своей дурачности и безответственности, пусть помалкивает в тряпочку.

НОВЫЕ ВИДЫ УСЛУГ

Теперь понятно, что “Я не просил меня рожать!” не просто детский истерический выплеск, а, можно сказать, “итоговое заявление”, имеющее под собой крепкую идейную базу. Фундамент, кирпичики которого плотно пригнаны один к другому. А параллельно, пока закладывался этот новый фундамент, методично, тоже по кирпичику, разрушался старый, традиционный.

И к концу XX века роль отца в так называемых “развитых странах” сплошь и рядом стала сводиться к биологической – без мужчины зачатие (пока еще!) невозможно. В остальном же современное общество вполне обходится без института отцовства. Где-то (например, в Швеции) половина детей рождается вне брака и часто не знает имени своего отца. Многие, будучи рождены в законном браке, после развода родителей или вовсе лишаются общения

с отцом, или приобретают так называемого “воскресного папу”. Он не воспитывает, а развлекает и дарит подарки.

Но и в полных семьях отец сплошь и рядом не имеет должного авторитета: кто из-за пьянства, кто из-за низких заработков, кто из-за своего инфантилизма (часто слышишь от женщины: “У меня не муж, а еще один ребенок”), кто по десятку иных причин. Какое там главенство, когда и о равенстве речи не идет! Уважать такого отца, а тем более благоговеть перед ним, разумеется, очень трудно.

Теперь настал черед матерей. Тех, чей авторитет, напротив, должен был бы непомерно вырасти, чтобы компенсировать утрату отцовского влияния. До последнего времени так оно и было. Мать оставалась главной и, по существу, единственной надежной опорой для своего ребенка. Но как все неестественное, искажающее Богом данную иерархию, сверхзначимость матери обернулась ее низвержением с пьедестала. Будто он не выдержал такой громоздкой фигуры.

Сперва выяснилось, что общество, поклонившееся идолу феминизма, готово прославлять женщину-ученого, женщину-космонавта вплоть до женщины-президента, при этом совершенно не готово не то что поклониться многодетной матери, но и просто ее поддержать. Помните, в самом конце 80-х – начале 90-х годов, когда власть уже собиралась обогнуть народ, вдруг пошли разговоры об иждивенцах? И нашлись люди, которые удивительно легко причислили к таковым... многодетные семьи! С бесстыдной злобой, пользуясь какой-то кроличьей лексикой, дескать, расплодилось тут за наш счет, они принялись порицать женщин за самый что ни на есть женский труд – труд материнства.

Затем пренебрежение распространилось на всех матерей. В том числе на неповинных в многодетности. Не поздоровилось даже тем, кто эту многодетность осуждал. Наверное, не всем нашим взрослым читателям знакомо выражение “биологическая мать”. Во всяком случае, они о своих матерях так никогда не думают и не говорят. А вот подростков начала XXI века уже просветили, и они вполне могут (пускай в запальчивости) поставить маму на место словами: “Какое право ты имеешь диктовать мне, как жить?! Ты всего лишь моя биологическая мать!”

Ну а теперь и у “биологической матери” отнимается право на эксклюзивность. В “Книге для трудных родителей”, изданной в 1994 году, мы написали о случаях суррогатного материнства во Франции. Тогда большинство наших сограждан и слыхом не слыхивали об этой заморской диковинке. А услышав, не верили и ужасались. Сегодня к нам на психологический прием уже порой приводят детей – не заморских, а отечественных, зачатых в пробирке и выношенных в “живом инкубаторе”, – утробе посторонней женщины.

Суррогатная мать – новый бизнес. Так тоже можно зарабатывать деньги. Эту мысль сейчас потихоньку внедряют в сознание женщин. Глянцевые журналы выносят тему суррогатного материнства на первые страницы обложки как нечто сверхактуальное, животрепещущее. Звезды эстрады, наши сегодняшние эталоны, охотно рассказывают в интервью о том, как они воспользовались услугами суррогатной матери, и это нисколько не повредило ни здоровью ребенка, ни отношениям с ним. Пока, правда, такой способ обзаведения детьми (чуть было не сказали “их покупки”) доступен только вышеописанным “новым лучшим”, тем из них, которые еще не готовы вовсе отказаться от потомства. Аренда чужой утробы почти что на год большинству не по карману. Но со временем число предложений может увеличиться, и цены упадут.

Мы, во всяком случае, не удивимся, если количество “арендаторов” с падением цен резко возрастет. Этические и психологические предпосылки к этому уже налицо. Так, по свидетельству акушеров, женщины зачастую просят сделать им кесарево без каких бы то ни было показаний – просто “чтобы не мучиться”. И врачи, получающие дополнительные деньги за операции, их не отговаривают, хотя знают, что кесарево отнюдь не безвредно и не безопасно как для матери, так и для ребенка. Зато об опасности беременности говорится непомерно много. Это и угроза невынашивания, и тяготы токсикоза, и неизгладимые растяжки или даже рубцы на коже, уродующие женскую фигуру, о чем сообщается девочкам не только в подростковых журналах, но и в школьных учебниках.

И это еще что! Передовая Англия, законодательница прогресса, пошла дальше. Там, как сообщает немецкая газета “Форум”, выходящая на русском

языке, “по заказу врачей конструкторы спроектировали жилет, имитирующий беременность. Надев его, испытываешь на себе всю тяжесть материнства. В скором времени школьников заставят (курсив наш. — **Авт.**) носить изобретение на переменах... Чудо инженерной мысли напоминает бронезилет. Только с большим животом и грудью третьего размера. Весит все хозяйство около 15 килограммов. Носить его, в целях безопасности для здоровья, рекомендуют не более получаса. Дальше может заболеть сердце, станет тошнить... Псевдобеременный (так в тексте! — **Авт.**) чувствует увеличение веса, изменение осанки, возникает давление на внутренние органы, повышается артериальное давление. По задумке ученых, после примерки на себя “тяжелых” симптомов материнства школьницы задумаются, надо ли им повторять такое испытание не 10 минут, а 9 месяцев... Жилет включен в *обязательные* (курсив наш. — **Авт.**) школьные программы. Носить его будут на переменах в общей сложности 3 часа все школьники (вероятно, и мальчики, чтобы впоследствии они помогли своим партнершам не попадать в интересное положение. — **Авт.**) от 11 до 17 лет” (“Форум” 12 (16), декабрь 2003).

Не надо быть крупным психологом, чтобы понять: после таких тренингов многие девушки согласятся вынашивать ребенка только под дулом пистолета. Так загодя формируется обширный рынок “суррогатных услуг”, которые будут оказывать женщины из беднейших слоев населения — бедным ведь всегда придется делать то, что больше никто делать не желает.

А там и клонирование подоспеет, тогда вообще напрягаться не обязательно. Как теперь принято говорить: “Заплати налоги и живи спокойно”. Зачатие (как естественное, так и искусственное) станет попросту неактуальным. В общем, все эти кошмары давно описаны в футурологической беллетристике. Например, в романах Станислава Лема, которые чем дальше, тем больше напоминают не спонтанные провидческие озарения, а литературные иллюстрации вполне реальных проектов глобалистской перестройки мира.

ЛОГИКА ГУМАНИЗМА

Во всяком случае, точность воплощения многих, казалось бы, безумных фантазий заставляет задуматься. В 2000 г. европейская практика судопроизводства обогатилась прецедентом, который еще недавно мог быть сочтен остроумным вымыслом. Мы имеем в виду так называемое “дело Перрюша”. Суть такова: умственно отсталый мальчик получил по решению суда денежную компенсацию за то, что его мать в свое время не сделала аборт. На следующий год уже три семьи, дети которых (от 9 до 11 лет) родились с физическими недостатками, потребовали себе компенсации, и высший апелляционный суд Франции постановил, что инвалиды имеют право на материальное вознаграждение за то, что их матерям не была предоставлена возможность от них своевременно избавиться. СМИ откликнулись на это заголовками типа “Суд Франции признал право ребенка быть нерожденным” (Lenta Ru, 14. 07. 2001).

Процесс, как видите, встречный: с одной стороны, родители получают все большие права и возможности не рожать детей. С другой стороны, детям предоставляется вопиющее по своей абсурдности право быть нерожденными. Ведь предъявлять-то это право может только уже появившийся на свет!

Нет, совсем не все французы с восторгом приняли такое расширение прав ребенка. Но интересно, какие они выдвигали аргументы. По сообщению того же агентства Lenta Ru, “решение вызвало резкую критику со стороны организаций врачей. Страх перед судебными исками заставит их рекомендовать аборт при малейшем намеке на какой-либо врожденный недостаток”. А представители Организации по правам инвалидов сетовали на негуманность решения суда и выражали опасения, что теперь не только врачей, но и родителей, давших жизнь больному ребенку, смогут обвинить в безответственности.

То есть все аргументы лежали в поле гуманизма и рациональной логики. А на этом поле либеральная идеология неизменно одерживает победу за победой. От очередного либерального наскока консервативная часть общества поначалу испытывает шок, потом пытается протестовать, но терпит поражение и привыкает к новшеству как к неотъемлемой составляющей современной жизни. Однако такое положение возможно только тогда, когда дискуссия ли-

шена религиозного фундамента. Когда не только либералы, но и приверженцы традиционной морали не говорят о Боге и Его установлениях, молчаливо подразумевая, что это нечто отжившее, ненаучное, непрофессиональное, — то, о чем даже как-то неприлично упоминать в обществе цивилизованных людей. В этой ситуации либералы не просто одерживают победу силой своих аргументов, но и неизменно выглядят более человечными.

Противники абортгов говорят, что операция вредна для здоровья?

— Безусловно! — соглашаются либералы. — Женское здоровье — непререкаемая ценность!

И предлагают abortивные таблетки — никакого риска и никаких страданий.

Что?! Гомосексуалисты не имеют права преподавать в школах? Да это ж чудовищная дискриминация! Нельзя допустить, чтобы кто-то чувствовал себя изгоем, чтобы развивался комплекс неполноценности, который может привести даже к суициду.

И принимают самые гуманные законы, позволяющие содомитам работать не только в школах, но и в яслях.

И на претензии тоже очень гуманной Организации по правам инвалидов либералы не замедляют ответить. Эти умелые игроки в гуманизм всегда найдут чем крыть.

— Конечно, родителей жалко, — посетуют они. А потом выложат козырную карту: — Но ведь ребенку-то инвалиду еще хуже. Разве это жизнь? Никаких радостей, никаких наслаждений — одни страдания. Нет уж, простите, такая безответственность должна быть наказуема. Кто мешал брачным партнерам пойти в генетическую консультацию, своевременно сдать анализы и, узнав о вероятности рождения больного ребенка, прервать неудачную беременность?

(Про безопасный аборт читай немного выше.)

ПУТЕВКА В ВЕЧНОСТЬ

У нас тут мелькнули какие-то картежные термины, и, наверное, естественная ассоциация читателей — шулерство. Дескать, либерал — это шулер. А на деле не совсем так. То есть он, конечно, обманщик, но невольный, потому что и сам обманут. Наш супергуманист был бы кругом прав, если, как выражается один известный московский священник, “не учитывать фактор Бога”.

— Знаю, что вы сейчас скажете! — отмахнется читатель. — Вы, собственно, с этого начали. Жизнь дают не люди, а Бог, и не человеку решать, кому жить, а кому нет. Человек должен только благодарить и кланяться за “бесценный дар жизни”. Нет уж, мои дорогие! Это смотря какая жизнь! Одна, может, и бесценный дар, а другая больше похожа на проклятье.

Но жизнь — бесценный дар не потому, что она обязательно прекрасна, исполнена наслаждений и сулит бесконечное количество возможностей. Нет, во все не это смутно чувствуют родители, воспринимая упрек “я не просил меня рожать” как проявление неблагодарности. Был когда-то советский фильм “Путевка в жизнь”. Так вот, рождение — тоже путевка. И не просто во временную земную жизнь, а в вечность. Куда человек в этой вечности попадет, во многом зависит от его свободной воли, от того, как он пройдет свой земной путь. Но возможность обрести вечную жизнь одна — через зачатие и рождение. А ее-то, эту самую главную возможность, как раз и не принимают в расчет безбожные гуманисты, рассуждая о неравенстве возможностей здоровых и больных.

Творец жизни — Господь, а родители — единственные ее проводники. Только через них Он воплощает Свой замысел. И именно за это, за потенциальную возможность обрести небесный рай, дети должны быть благодарны родителям. Любим, даже самым что ни на есть дурным и безответственным. Даже тем, кто бросил своих детей. Тем, кого в житейском смысле и родителями-то не назовешь. Недаром пятая заповедь не призывает почитать хороших родителей, а лаконично, безо всяких уточнений гласит: “Чти отца твоего и мать твою”. То есть *любых!*

Итак, метафизическая роль физических родителей абсолютно уникальна, и потому сатана, что в переводе с древнееврейского означает “противник”, всячески старается эту роль затушевать, принизить, опорочить. Сколько запущено в оборот уничижительных выражений: “дурацкое дело нехитрое”,

“сделали ребенка”, “наклепали детей”, “животный инстинкт материнства”... Сравнения из области зоологии (“плодовита, как крольчиха”, “она уже с икрой”, “он взял ее с приплодом”, “отелилась”), из ботаники (“ты – женщина, а не семенной огурец!”), из кулинарии (“с начинкой”).

Кто поставит под сомнение справедливость афоризма “Не та мать, которая родила, а та, которая воспитала”? Еще чаще такое можно услышать об отце. И в нравственно-этическом плане это правильно. А в мистическом ошибочно. Но поскольку для многих людей вечная жизнь – либо миф, либо невозможная абстракция (да что говорить, даже глубоко верующие христиане совсем не всегда связывают зачатие, вынашивание и рождение человека с бессмертием души), роль кровных родителей не так уж сложно принизить до животного уровня, а то и вовсе свести к нулю.

Когда об этом думаешь, по-новому высвечиваются слова апостола Павла из Первого послания к Тимофею. Не постижение премудрости, не преуспевание в каком-то ремесле или общественных делах и даже не воспитательная функция (мальчиков в старину женщины почти не воспитывали) названы залогом женского спасения, а, выражаясь современным языком, функция репродуктивная: “Жена... спасется через чадородие”. Конечно, при условии: “если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием” (1 Тим. 2:15). Но последнее заповедано всем христианам, независимо от пола, а вот чадородие – специфически женский путь спасения, возможность для каждой женщины искупить грех праматери Евы. И об этом весьма определенно пишет апостол Павел. Смотрите, как его рассуждение выглядит целиком: “...не Адам прельщен, но жена, прельстившись, впала в преступление; впрочем, спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием” (1 Тим. 2:14–15).

По вине Евы человеческий род был изгнан из земного рая, и теперь ее дочери должны искупать первородный грех рождением потенциальных обитателей рая небесного. А как часто слышишь даже от православных женщин, что лучше родить одного-двух детей, зато дать им хорошее воспитание и образование! Дескать, количество потомства обратно пропорционально качеству жизни каждого из детей: на еду, на одежду, на различные кружки и студии, на обучение в школе и вузе – на все нужны деньги. Поделив на нескольких, не дашь по-настоящему никому. Согласитесь, это иной взгляд на “цели и задачи материнства”.

– Нашли тему для иронии! – гневно воскликнет благочестивая мать. – А что, разве уже не обязательно воспитывать и выучивать детей? Нарожать, а там пусть растут, как сорная трава? Ничего себе, у вас понятие о родительском долге!

Но ведь мы не спорим о важности воспитания. Только, во-первых, одно нельзя противопоставлять другому, а во-вторых, не следует так смещать акценты на земную жизнь.

В одной широко известной молитве матери о чадах своих почти дословно повторяется строка из книги Пророка Исаяи. Там, правда, говорится: “Вот я и дети, которых дал мне Господь” (Ис. 8:18). А в молитве читаем: “Удостой меня, с упованием на Твое милосердие, предстать с ними (с детьми. – **Авт.**) на Страшном Суде Твоем и с недостойным дерзновением сказать: “Вот я и дети мои, которых Ты дал мне, Господи!”

Ты, а не я! А что должна будет сказать женщина, руководствовавшаяся ленинским принципом “лучше меньше, да лучше”? Ты давал, а я не хотела? Думала, мне виднее, когда придет нужный момент? Полагалась не на Тебя, а на себя? Считала, что слова апостола мне не указ? Не верила в помощь Твою и Твое промышление о моей семье?

Даже если отказ от многодетности не связан с эгоистической боязнью трудностей, все равно он свидетельствует о маловерии. Так что не только аборт и гормональная контрацепция, фактически вся имеющая abortивный эффект, не только “барьерные” методы, связанные с излитием семени (грех, каравшийся в Ветхом Завете смертью), но и самые, казалось бы, невинные, “естественные” методы планирования семьи, мягко говоря, небезупречны.

И пусть никому из нас неведомо, кого Господь помилует и введет в Царствие Небесное, все же, чем больше детей, тем больше возможность, что хотя бы кто-то станет праведником и молитвенником о нашем роде. Не потому ли так преизобилует сейчас благодать на тех православных семьях, которые,

вопреки логике мира сего, полагаются на волю Божию и “в наше трудное время” рожают много детей? Эту благодать чувствуешь почти физически, особенно если родители сами из многодетных православных семей, и их предки тоже были чадолюбивы, то есть правильное устройство семьи и жизни не нарушалось ни в одном поколении. (Хотя быт в таких семьях совсем не похож на фотографию из глянцевого журнала.)

Когда ангел света, денница, возгордившись, пал, он увлек за собой в преисподнюю треть ангелов. И согласно святоотеческому преданию, конец мира сего настанет, когда праведники на небесах восполнят число отпавших ангелов. Большинство живущих на земле людей об этом не знает или знает теоретически, но к собственной жизни эти знания не прикладывает. Зато сатана предпринимает массу практических усилий, чтобы отсрочить свою окончательную гибель. Ему-то чем меньше праведников на небесах, тем лучше. Потому он и враг рода человеческого, что его гибель совершится через людей. Хотя победит диавола Христос, залог этой победы – продолжение человеческого рода. Не будут рождаться люди, не будет пополняться небесное воинство. Вот враг и стремится как можно больше душ погубить, одних развращает, а другим и вовсе не дает родиться. Не случайно в сектах сатанинского толка культивируются разврат, отказ от деторождения и аборты.

УСТАМИ МЛАДЕНЦЕВ

В XX веке, когда идеология планирования семьи, провозглашающая право людей на “безопасный секс” (то есть на все тот же разврат, отказ от деторождения и аборты), пронизала как международное право, так и национальные законодательства многих стран, постепенно происходит сатанизация мира. Хотя люди пребывают в уверенности, что это никакой не сатанизм, а, наоборот, просвещенность, цивилизованность и гуманность.

“В 1580 году французский юрист Жан Бодлен попытался систематизировать преступления колдунов и ведьм по 16 пунктам”, – пишет архимандрит Рафаил (Карелин).

Шестой пункт гласил, что эти пособники нечистой силы “посвящают дьяволу зародыши, находящиеся в утробе матери”. Эти зародыши умерщвляли, из них готовили колдовскую мазь – аналог нынешних фетальных, то есть эмбриональных, препаратов.

“Мать, убивающая ребенка, сама того не понимая, соучаствует в колдовском ритуале – в посвящении ребенка демону, а вместе с ним – своей души, – читаем в книге архимандрита Рафаила “В аду на земле”. – Жертвоприношение демону, как свидетельствуют об этом многие документы, относящиеся к демонологии, является непременной атрибутикой черной магии. Эти жертвоприношения, особенно человеческие, способны вызывать стихийные бедствия: землетрясения, неурожаи, эпидемии, наводнения, засухи, а также войны, междоусобицы и другие бедствия... Многие люди не понимают, что убийство ребенка во имя идола своей комфортности, во имя идола семьи, во имя идола денег, делает человека демонопоклонником. Приведем пример. Некоторые люди, участвующие в ритуалах кришнаитов, йогов и различных оккультных сект, не понимают, что они отрекаются от Христа и поклоняются идолам Кришны, Шивы и Бухамеда. Они считают эти обряды и упражнения способом для приобретения психической энергии и обещанного здоровья. Многие, обращаясь к гадалкам и знахарям, называют их заклинания и заговоры “молитвами” и не понимают, что они вошли в общение с темными силами. Так большинство наших современников, совершающих детоубийство, не понимают, что они этим самым совершают поклонение сатане, что убийство ребенка – это кульминационный пункт в сатанинских оргиях, что они совершают то же самое, что и адепты черной магии во время своих сборищ. Они не знают, но дьявол знает это” (М., Саввино-Сторожевский монастырь, “Центр Благо”, 2001, стр. 128–130).

Желая написать в этой статье о неблагодарности детей, мы, как заметил читатель, много говорили о взрослых. Сперва нас это даже смущало. Мы думали, что уклоняемся в сторону пусть смежной, но все же другой темы. Но когда пробовали “выровняться”, не выходило. И только к концу нам стало

ясно, что это неспроста. В основе дерзкой фразы ребенка “Я не просил меня рожать” лежит одно – отвержение Божественного замысла о себе и о своем спасении. А ребенок еще и отвергает непосредственных исполнителей этого замысла – родителей.

“Я не просил меня рожать. . .” Так мог бы завопить из глубин преисподней нераскаявшийся грешник, привыкший всегда и во всем винить других и неизбежно доходящий в своем исступлении до богоборчества. Теперь же этот адский вопль все чаще исходит из уст детей – тех, кого еще недавно было принято сравнивать с ангелами. И по логике нового антихристианского мироустройства, лукаво именующего себя глобализмом, может стать юридической нормой.

Что ответим на это мы, в сущности такие же дерзкие, неблагодарные дети своего Небесного Отца?